

УДК 821.161.1.09-31+929Третьяков  
DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-142-147

## **БИО-ИНТЕРВЬЮ С. ТРЕТЬЯКОВА В СВЕТЕ ТЕОРИИ «ЛИТЕРАТУРЫ ФАКТА»**

© Ирина Иванюшина

### **S. TRETYAKOV'S BIOGRAPHY INTERVIEW IN THE LIGHT OF THE “LITERATURE OF FACT” THEORY**

**Irina Ivanyushina**

The article deals with a unique experiment, conducted by Sergey Tretyakov, one of the founders of the “literature of fact” theory, to create a new genre of a biography-interview, actualized in the second half of the 1920s in the process of his communication with the Chinese student Dan Shi Hua. The issue of fiction and non-fiction correlation in the book “Dan Shi Hua: Biography-Interview” is considered in the context of the factography theory and the discussions of the 1920s on the goals of literature, the genre crisis and “a living person”. The article analyzes the fight of the LEF group against such “belles-lettres vestiges” as the plot, typification, psychologism and figurativeness. Tretyakov’s biography-interview is the most natural and artistically significant attempt at implementing the LEF program. The article reveals some special features of the new documentary genre of polygenetic nature, which combines the traits of an autobiography, memoirs, physiological sketch, travelogue, scientific guide and dictionary. We describe the particulars of its narrative structure and trace the techniques of modeling an image of an implicit interviewer. In the process of the stylistic analysis of the biography-interview, we examine the orientation of the text towards its interlocutor, the bearer of another culture, and the metaphorization pattern, drawing upon the empirical experience of the autobiographical narrator. The article highlights the markers of striving for factual exactness and objectivity. Besides, we note such fiction features as “natural storytelling” of a human life, a wide application of the alienation technique, and an abundance of distinctive metaphors and comparisons. The article concludes that by consistently implementing the factography theory postulates, Tretyakov indicates the boundaries of this type of literature capacity.

*Keywords:* S. Tretyakov, “literature of fact”, biography-interview, non-fiction and fiction, plot, alienation

Статья посвящена уникальному эксперименту одного из основоположников теории «литературы факта» Сергея Третьякова по созданию нового жанра био-интервью, осуществленному во второй половине 1920-х годов в процессе общения с китайским студентом Дэн Ши-Хуа. Проблема соотношения документального и художественного в книге «Дэн Ши-Хуа: био-интервью» рассматривается в контексте фактографической теории и дискуссий 1920-х годов о задачах литературы, жанровом кризисе, «живом человеке». Анализу подвергается борьба левовцев с такими «пережитками беллетристики», как сюжет, типизация, психологизм, образность. Био-интервью Третьякова является наиболее органичной и художественно значимой попыткой реализации левовской программы. В статье выявляются особенности нового документального жанра полигенетической природы, совмещающего черты автобиографии, мемуаров, физиологического очерка, путевых заметок, научного справочника, словаря; описываются особенности его нарративной структуры; прослеживаются способы моделирования образа имплицитного интервьюера. В процессе стилистического анализа био-интервью рассматривается направленность текста на собеседника, носителя иной культуры, характер метафоризации, опирающейся на эмпирический опыт автобиографического повествователя, фиксируются маркеры стремления к фактической точности и объективности. Вместе с тем отмечаются такие художественные особенности, как «натуральная сюжетность» человеческой жизни, широкое использование приема остранения, обилие запоминающихся метафор и сравнений. Делается вывод о том, что, последовательно реализуя постулаты теории фактографии, Третьяков в то же время демонстрирует границы возможностей литературы такого типа.

*Ключевые слова:* С. Третьяков, «литература факта», био-интервью, документальное и художественное, сюжет, остранение

Для цитирования: Иванюшина И.Ю. Био-интервью С. Третьякова в свете теории «литературы факта» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №2 (72). С. 142–147. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-142-147

Русская литература 1920–1930 годов переживает серьезную трансформацию жанровой системы. Активными участниками этого процесса становятся теоретики Левого фронта искусств и близкие к ним представители формальной школы. Опираясь на идею Ю. Тынянова и В. Шкловского о канонизации младших жанров, левовцы объявляют «младшей линией», которой предстоит переместиться с «задворков» в «центр», «литературу факта»: очерк, фельетон, отчет, биографию, дневник, эссе, мемуары и т. д. Все эти жанры существовали и ранее, но считались «низшим» родом литературы, теперь же они, по мнению фактографов, вытесняют доминировавшие до сих пор роман и повесть и образуют ядро литературы новой эпохи.

Глубочайшие трансформации социальной, политической, культурной жизни России 1920-х годов, радикально изменившие представление о роли художника в происходящих процессах, отразила левовская теория искусства-жизнестроения. Если старая эстетика, согласно представлениям Н. Чужака, «преображала-просветляла жизнь <...>, расцветивая ее блестящими „свободного“ воображения» [1, с. 61], то новая «предполагает изменение реальности путем ее перестройки. Отсюда – и упор на документ» [Там же].

«Новый ЛЕФ», возглавленный после ухода В. Маяковского Сергеем Третьяковым, занимает жесткую позицию, объявляя войну «литературщине». Ставится вопрос о самом праве на существование художественной словесности. В статье «Новый Лев Толстой» С. Третьяков отмечает сужение сферы беллетристики. На место писателя – учителя жизни должен встать человек науки, техники, «организатор материи и общества» [Там же, с. 31]. Теоретик ЛЕФа требует смотреть на мир отточенным взглядом профессионала: «географа, метеоролога, энтомолога, зоолога, этнографа <...> и очень редко глазом беллетриста, созерцателя красот» [Там же, с. 252–253].

При этом роль фактографа отнюдь не сводится к пассивной регистрации фактов. В статье «Как десятилетить» («Новый ЛЕФ», 1927, № 4) С. Третьяков требует не нейтрального отображения реальности, а активной ее трансформации. В фактографии слово должно стать действием, автор информирующий – автором оперирующим. Он не просто фиксирует реальность, но и делает ее частью своей биографии, берет на себя личную ответственность за материал.

Для этого, как полагает С. Третьяков, очеркисту необходимо выбрать правильную точку наблюдения: не туриста или почетного гостя, а участника общей работы, понимающего ее особенности, взаимодействующего с коллективом [Там же, с. 9]. Таким образом позиция автора фактически сближается с позицией включенного наблюдателя. Уничтожая зазор между словом и делом, С. Третьяков отправляется работать в колхоз «Вызов» на Северном Кавказе, результатом чего становится сборник очерков 1930 г.

Более сложной, органичной и художественно значимой попыткой реализации в жизнь положений левовской теории литературы факта является книга Сергея Третьякова «Дэн Ши-хуа: био-интервью».

В 1924–1925 годах С. Третьяков работал профессором в Национальном университете Пекина, обучая китайских студентов русскому языку. В 1927 году один из них приехал на учебу в Москву в университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена. В процессе долгого общения профессор подробно записал историю жизни двадцатилетнего Дэн Ши-хуа.

Книга С. Третьякова экспериментальна как по методу работы над ней, так и по возникшей в результате этой работы форме. Теоретик ЛЕФа не только задумал и осуществил эксперимент, но и отрефлексировал его в двух предисловиях 1928 и 1934 годов и статьях в левовском сборнике 1929 г. «Литература факта».

С. Третьяков исходил из того, что сегодняшний литератор должен быть «открывателем нового материала», «бережным, не искажающим формовщиком его» [3, с. 3]. Сами носители материала зачастую не владеют пером, поэтому литераторы-профессионалы, должны прийти им на помощь и выступить в роли интервьюеров или литературных секретарей. Предлагаемый метод работы мыслится С. Третьяковым как временный, переходный. Он убежден, что «разглядеть подробно собственную жизнь – умение высокой марки» [Там же]. Дэн Ши-хуа таким умением пока не владеет. Однако, заканчивая предисловие 1928 года обещанием продолжения, автор выражает надежду на то, что это продолжение будет написано самим Дэном. А пока этого не произошло, распределение ролей в работе над материалом С. Третьяков осуществляет следующим образом: «Книга „Дэн Ши-хуа“ сделана двумя. Сам Дэн Ши-хуа был сырьевщиком фактов, я – формовщиком их» [Там же].

Такая установка с неизбежностью порождает сложную субъектную организацию и нарративную структуру текста. Двойная экспозиция, с одной стороны, придает объемность и универсальность фактическому материалу, с другой, дважды трансформирует его, сначала в автобиографическом изложении Дэн Ши-хуа, затем в адаптации С. Третьякова.

Кроме того, два участника творческого процесса по-разному понимают задачу. Дэн с энтузиазмом встречает предложение написать биографию китайского студента. Сам же С. Третьяков стремится получить объективные знания о революционном Китае. Помимо этого, как свидетельствует предисловие 1934 года, пронизанное постколониальным пафосом, автор ощущает потребность очистить представление русских читателей о Китае от экзотики. Биография Дэн Ши-хуа была для С. Третьякова не целью, а средством: он стремился «проточить древесину нового Китая биографией» [Там же]. В предисловии прямо декларируется перемещение фокуса внимания с героя на окружающий его мир, на вещи и события, «сквозь строй которых проходит человеческая жизнь» [4, с. 8].

Теоретически такой подход был обоснован С. Третьяковым в его знаменитой статье «Биография вещи». На примере своего био-интервью автор выявляет недостатки традиционного биографического романа, внимание в котором неизбежно концентрируется на фигуре главного персонажа, чьим видением трансформируются факты, превращаясь в метафоры и гиперболы. Вместо субъективно-психологической биографии героя С. Третьяков предлагает объективную «биографию вещи»: «не человек-одиночка, идущий сквозь строй вещей, а вещь, проходящая сквозь строй людей» [1, с. 72]. Более того, самого человека он считает нужным пропустить «по повествовательному конвейеру, как вещь» [Там же]. Инструментальное отношение к человеку было общелефовским. О. Брик, например, настоятельно рекомендовал интересоваться не людьми, не их переживаниями, а делами: «интерес к делу для нас основной, а интерес к человеку – интерес производный» [Там же, с. 96].

«Поставщик материала» для выполнения фактографических задач был выбран, по признанию самого С. Третьякова, весьма удачно. Дэн Ши-хуа – молодой человек из интеллигентной семьи, с прекрасной памятью, образованием, литературными способностями. Его биография органично соединяла провинцию Сычуань, Пекин и Москву.

С. Третьяков не скрывает, что у него были и другие источники информации. Это не только

запас наблюдений, которые накопились за несколько поездок в Китай, но и более глубокие, автобиографические переключки «между детством сычуанского интеллигента Дэна и моим собственным детством в семье русского провинциального учителя» [4, с. 7]. В качестве еще одного поставщика фактического материала С. Третьяков называет китайского студента Тин Юин-пина, который выходит на первый план после отъезда Дэна из Москвы и сообщает дополнительные сведения как о нем, так и о себе самом. В отличие от гоминдановца Дэна, Юин-пин – молодой коммунист, идеологически близкий С. Третьякову. Он необходим для более полного представления о молодом Китае 1920-х годов. Руководствуясь лефовскими представлениями о коллективном творчестве и разделении труда, С. Третьяков скрупулезно указывает на форзаце первого издания книги и других носителей информации, обогативших и проконтролировавших фактографическую точность текста.

Конструктивистское оформление А. Родченко, обилие фотографий, рисунков, чертежей, документов, многочисленные сноски – все это делает книгу С. Третьякова образцом фактографического творчества.

Многие исследователи определяют жанр «Дэн Ши-хуа» как повесть или роман, что прямо противоречит авторской позиции, заявленной в предисловии: «Ненавистна выдуманная повесть и сочиненный роман. Почетное когда-то звание „сочинителя“ в наше время звучит оскорбительно» [3, с. 3]. Сами лефовцы атрибутируют публикуемые в журнале главы био-интервью по-разному: «очерк», «повесть», «статья». В. Шкловский характеризует «Дэн Ши-хуа» уклончиво: «книга еще становящегося жанра» [1, с. 257]. Действительно, это был уникальный эксперимент по созданию нового документального жанра полигенетической природы, вобравшего в себя черты автобиографии, мемуаров, физиологического очерка, путевых заметок, научного справочника, словаря.

Поскольку текст сложился из долгих бесед С. Третьякова со своим студентом, автор определил жанр книги как био-интервью: «Все, что оформил, я затрудняюсь назвать иначе, как интервью. Но интервью это охватывает жизнь одного человека, поэтому я и прибавляю к нему частицу „био“» [3, с. 4].

Если био-графия – описание жизни человека, сделанное другими людьми или, в случае автобиографии, им самим, то био-интервью рассказ о жизни заинтересованному, активному слушателю.

Интервью, как известно, предполагает диалог. Но в книге С. Третьякова формальных маркеров диалога как будто нет. Все повествование, за исключением предисловия, 28, 29 глав и постскриптума, ведется от лица Дэна. Голоса, задающего вопросы, мы не слышим, но ощущаем направляющее внимание, «запрашивающий интерес» [5, с. 6] интервьюера. Свою работу с Дэном С. Третьяков описывал так: «Я рылся в нем, как шахтер, зондируя, взрывая, скалывая, отсеивая, отмучивая. Я был попеременно следователем, духовником, анкетщиком, интервьюером, собеседником, психо-аналитиком» [3, с. 3–4].

Признаком направленности речи Дэна на собеседника – носителя иной культуры – является прежде всего избыточная, с точки зрения соплеменника, информация обо всех особенностях китайской жизни и языка. Устойчивым, запоминающимся приемом становится объяснение китайских реалий посредством аналогий с русскими: «Эта игра похожа на русскую орлянку» [4, с. 100]; «Янцзы широка в этом месте. Она раз в пять шире Москвы-реки против Кремля» [Там же]. Интерпретируя подобные фрагменты, итальянский исследователь Мария Заламбани утверждает: «<...> в этих строчках звучит голос вовсе не Ши-хуа, а автора, использующего свою „коммуникативную функцию“, он хочет сохранить непосредственный контакт с читателем» [6, с. 104]. На наш взгляд, это не совсем так. Согласно заданной ситуации интервью коммуникативную функцию использует и сам Ши-хуа, поддерживая диалог с русским интервьюером и предполагая в будущем контакт с русским читателем. Но главное – прием биографически оправдан: Дэн в момент создания интервью – московский студент.

Особенно интересны случаи прямой апелляции рассказчика к некоему «вы». Уровень апелляции может быть в разной степени конкретным. Это и любой носитель европейского сознания: «Наша китайская бумага для письма похожа на вашу европейскую пропускную» [4, с. 34]. Это и обобщенный русский читатель: «По-вашему, порусски, эту фразу надо перевести: „Вот бог, а вот порог“» [Там же, с. 150], или, конкретнее, житель Москвы: «Вот сейчас май, у вас в Москве холодно, над Чистыми прудами идет снег, а у нас в Сычуане хозяйки рвут с желтых гряд и кладут на стол свежие огурцы» [Там же, с. 13].

В ряде случаев собеседник обретает более индивидуализированные черты. После рассказа о смерти матери Дэн Ши-хуа признается: «<...> я должен лечь на спину, чтобы не пролились мои до краев полные глаза. Я знаю, вы назовете это – сентиментализмом» [Там же, с. 73]. Имея в виду

позицию С. Третьякова по отношению к психологизму и «литературщине», можно предположить, что эти слова Дэна адресованы непосредственно ему.

Так, в био-интервью моделируется образ имплицитного интервьюера: европеец, русский, москвич, борец с сентиментальным психологизмом.

Достраивается этот образ с помощью маргиналий: сносок, в которых С. Третьяков выступает от собственного лица. Они могут уточнять искаженную Дэном информацию, давая историческую справку [Там же, с. 251]; сопоставляя разные факты, рассказанные Дэном [Там же, с. 85], психологически объясняя искажения, допущенные рассказчиком ([Там же, с. 241]). Суммарно все эти коррективы служат единой задаче: они являются дополнительными маркерами установки на объективность и точность изложения фактов. В одной из сносок С. Третьяков прямо указывает на это. После рассказа Дэна о собственной свадьбе, на которой присутствовало 1600 человек, С. Третьяков уточняет: «Цифру назвал Дэн Ши-хуа, и правдоподобность ее проверена. Отмечаю это место, как эстетически опасное, наводящее на мысль о выдумке (С. Т.)» [Там же, с. 190].

Усложненная нарративная структура текста С. Третьякова убедила не всех. М. Заламбани считает, что автору «не удалось сделать нарративное полотно правдивым» [6, с. 105]. Исходя из представления о монологической природе текста («Произведение это написано в виде дневника» [Там же, с. 103]), исследователь упрекает автора в том, что он не смог избежать сепарации двух голосов («тембры этих голосов различны» [Там же, с. 105]). Но перед нами не дневник, а интервью, предполагающее двуголосье. Эксперимент С. Третьякова заключается в том, что он пытается спрятать, «растворить» голос интервьюера в повествовании, оставив его лишь в виде следов, отметок, знаков.

По мнению М. Заламбани, нарративную структуру био-интервью компрометирует и то, что автор создает повествователя, который не ограничивается нейтральным описанием (свидетельская функция), он постоянно поддерживает контакт с читателем (коммуникативная функция) и оценивает происходящее (идеологическая функция). Но С. Третьяков и не мог поступить иначе: коммуникативная функция обусловлена жанром интервью, а идеологическая восходит к левовскому пониманию факта: «Для нас, факто-виков, не может быть фактов „как таковых“. Есть факт-эффект и факт-дефект <...> Факт-друг и факт-враг» [1, с. 282].

Напряжение в нарративной структуре био-интервью, на наш взгляд, является частным случаем конфликта документального и художественного в тексте С. Третьякова. В теоретических статьях он выступает последовательным борцом против вымысла, обобщений, образности, сюжетности, однако на практике все оказывается сложнее.

Борьба левовцев с романом была прежде всего борьбой с романским сюжетом, который, по их мнению, насилует материал, искажает факты в угоду схемам. На смену ему должны прийти приемы «селекции и монтажа» [Там же, с. 218].

На вопрос о принципах скрепления разрозненных фактов даются разные ответы. Н. Чужак вводит понятие «натуральной сюжетности». Он полагает, что «человеческие документы» (мемуары, биографии, путешествия) «столь же натурально-сюжетны, как сюжетна и сама действительность» [Там же, с. 22]. В. Шкловский видит замену сюжета в методе «передвижения точки рассказывания, пространственное в путешествии или временное в мемуарах» [Там же, с. 232].

В книге С. Третьякова реализуются оба этих подхода. Биография Дэн Ши-хуа образует «натуральный сюжет» человеческой жизни: детство, учеба в школе, первая любовь, поступление в университет, студенческая жизнь, поездка в Москву... Сюжет остается открытым. В постскрипуме даются варианты его возможного развития. В то же время осуществляется перемещение рассказчика в пространстве – из родного Сычуаня в Пекин и далее в Москву, и во времени – из 1927 года в четвертьвековое прошлое.

Сама фигура героя также находится на острие теоретических дискуссий: спор о «живом человеке» в литературе активно ведется на страницах «Нового ЛЕФа». Левовцы полагают, что настоящий «живой человек» выйдет со страниц документальных жанров, поскольку только в них человек «живет реальной, а не условно-художественной жизнью» [Там же, с. 135].

То, что Ши-хуа – реальный человек, а не вымышленный персонаж, отвечало еще одному программному требованию фактографов: «Мы – злейшие враги номинализма; мы – за именованность» [Там же, с. 21]. С. Третьяков, выступая против стремления литературы синтезировать и типизировать, призывал искать в действительности конкретные, характерные фигуры, которые могли бы стать обобщениями. Не без гордости он констатировал в предисловии 1934 года: «Китайцы-коммунисты, прослушав отрывки из био-интервью, говорили: – Да ведь это же наше детство, наша школа, наша жизнь. Так типична био-

графия Ши-хуа для сегодняшней китайской молодёжью интеллигенции <...>» [3, с. 4].

Пожалуй, самым ненавистным для фактографов пережитком художественности было «образотворчество». Развивая формалистскую критику теории образа, левовцы требовали фактической точности. В экспериментальном тексте «Сквозь непротертые очки» («Новый ЛЕФ», 1928, № 9) С. Третьяков вскрывает механизмы порождения привычных ассоциативных цепей и штампованной метафоры, объясняя их недостатком конкретных знаний.

Однако сам поэт-футурист С. Третьяков не может избежать ни выразительных метафор («пузатый стручок чемодана лопается, распадается на две половинки» [4, с. 39]), ни запоминающихся сравнений («слово казнь, подобно живьем заглоченной мыши, ворочается во мне» [Там же, с. 104]). Показательно, что все образные средства опираются на эмпирический опыт Дэна и могут быть интерпретированы как характеристика его речи.

В отличие от образности, остранение вполне соответствует фактографической доктрине. Левовцы считают писателя человеком, способным заново увидеть привычные вещи, но не наивным взглядом ребенка, дикаря или иностранца, а аналитическим взглядом профессионала – отсюда идея В. Шкловского о необходимости для писателя второй профессии, которая в свете левовской теории выглядит не социально, а эстетически обусловленной.

В своем био-интервью С. Третьяков охотно пользуется приемом остранения, не пренебрегая ни взглядом ребенка – маленького Дэна, ни взглядом провинциала, попавшего в большой город, – юного Ши-хуа, ни взглядом иностранца – профессора Тэ Ти-ко (Третьякова) в Пекине и Дэна в Москве. Оптика же профессионала включается, когда речь заходит о вопросах языка и литературы. И Третьяков, и Дэн Ши-хуа считают их сферой своих профессиональных интересов. Поэтому в био-интервью разнообразно и остроумно остраиваются два языка: китайский и русский. Комический эффект производят письма китайцев на русском языке, данные в неотредактированном виде и имеющие статус документа.

Как видим, С. Третьяков в своем био-интервью стремился последовательно реализовать постулаты фактографической теории, но одновременно показал границы возможностей литературы такого типа. Обилие художественных приемов в произведении одного из главных теоретиков литературы факта было замечено современниками. В. Шкловский в рецензии на био-интервью сетует: «К сожалению, у Сергея Треть-

якова в книге есть остатки литературной художественности» [1, с. 257]. Но, возможно, именно поэтому она и сегодня интересна читателю, а образ китайского мальчика Дэн Ши-хуа навсегда остается в памяти.

Список источников

1. Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа / под. ред. Н. Ф. Чужака. М.: Захаров, 2000. 286 с.
2. Третьяков С. М. На колхозы // Новый ЛЕФ. 1928. №10. С. 8–14.
3. Третьяков С. М. Дэн Ши-Хуа: био-интервью. М.: Молодая гвардия, 1930. 392 с.
4. Третьяков С. М. Дэн Ши-Хуа: био-интервью // Третьяков С. М. Страна-перекресток. Документальная проза. М.: Советский писатель, 1991. 576 с.
5. Прозоров В. В. О стартовых условиях смыслообразования в общении с письменными речевыми жанрами // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 6–14.
6. Заламбани М. Литература факта. От авангарда к соцреализму. СПб.: Академический проект, 2006. 224 с.

References

1. *Literatura fakta. Pervyi sbornik materialov rabotnikov LEFa* (2000) [Literature of Fact. The First Collection of the LEF Members' Works]. Pod. red. N. F. Chuzhaka. 286 p. Moscow, Zakharov. (In Russian)
2. Tretyakov, S. M. (1928). *Na kolhozy* [To the Collective Farms]. Novy LEF, No. 10, pp. 8–14. (In Russian)
3. Tretyakov, S. M. (1930). *Dan Shi Hua: bio-intervyu* [Dan Shi Hua: A Biography-Interview]. 392 p. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian)
4. Tretyakov, S. M. (1991). *Dan Shi Hua: bio-intervyu* [Dan Shi Hua: A Biography-Interview]. S. M. Tretyakov. *Strana-perekrestok. Dokumental'naya proza*. 576 p. Moscow, Sovetskii pisatel. (In Russian)
5. Prozorov, V. V. (2023). *O startovykh usloviyakh smysloobrazovaniya v obshchenii s pis'mennymi rechevymi zhanrami* [On the Starting Conditions of Meaning Making in Written Speech Genres]. *Zhanry rechi*, V. 18, No. 1 (37), pp. 6–14. (In Russian)
6. Zalam bani, M. (2006). *Literatura fakta. Ot avangarda k socrealizmu* [Literature of Fact. From Avant-Garde to Social Realism]. 224 p. St. Petersburg, Akademicheskii projekt. (In Russian)

The article was submitted on 24.05.2023  
Поступила в редакцию 24.05.2023

**Иванюшина Ирина Юрьевна,**  
доктор филологических наук,  
профессор,  
Саратовский национальный  
исследовательский государственный  
университет имени Н.Г. Чернышевского,  
410012, Россия, Саратов,  
Астраханская, 83.  
iiyu@mail.ru

**Ivanyushina Irina Yuryevna,**  
Doctor of Philology,  
Professor,  
Saratov State University,

83 Astrakhanskaya Str.,  
Saratov, 410012, Russian Federation.  
iiyu@mail.ru